

Творческий штрих-код Владимира Мулявина

Мастер, превративший мелодию в легенду:
к 85-летию со дня рождения народного артиста БССР и СССР

Он пришел в этот мир не за почестями или богатством, хотя и того, и другого в его жизни было в избытке. Его призвание было иным: **неустанный труд, который он нес на своих плечах день за днем, даже во сне не зная покоя.**

Однажды журналист, пытаясь возвысить его, спросил: «Что вы чувствуете внутри себя как живой классик белорусской музыкальной сцены конца XX века?» Мулявин лишь недоуменно взглянул на него: «Вы шутите? Какой я вам классик? Я обычная рабочая лошадка!».

Свою «пахоту» он начал в двенадцать лет, а может, и раньше. Из автобиографии узнаем, что Мулявин родился 12 января 1941 года в Свердловске в семье рабочих. С 1945 года воспитывался без отца. В 1946 году переехал в Магнитогорск к дяде. Здесь окончил девять классов. Музыкой стал заниматься в 1950 году, обучаясь игре на гитаре у частного педагога. В 1955 году приехал в Свердловск и поступил в музыкальное училище, где проучился два года. С 1957 года начал работать.

За этими сухими строками скрывается трагедия ребенка, которому пришлось голодать и ради куска хлеба играть на улицах и в переходах. Мать, Акулина Сергеевна Палычева, не была ласкова: «Что ты все время бренчишь? Когда займешься делом?» И он отправлялся на вокзал, пересаживался с поезда на поезд, играл, пел, на заработанные деньги покупал продукты.

На снимках тех лет мы видим Георгия Арсеньевича, отца музыканта, вальяжного, с гитарой и папиросой. А вот и шестнадцатилетний Володя с контрабасом и его задорный джаз-квартет «Ключка, бубен и утюг». Собирались ребята в клубе имени Сталина. На гитаре играл другой парень – возможно, Леня Завадский, который вспоминал: «Партию контрабаса Вовка разрабатывал для себя сам, хотя для остальных музыкантов руководитель писал партитуры». Остальные инструменты – аккордеон и кларнет.

На другом, не менее примечательном снимке видим юного Мулявина с... трубой. Это полностью разрушает легенду о том, что он умел играть только на струнных. И таких загадок и странностей – море,

Володя Мулявин. Свердловск, середина 1940-х годов

в котором, пожалуй, и не поймаете золотую рыбку истины.

Ясно одно: поселившись в Беларуси, этот удивительный человек превратил скромную народную песню в блистающий алмаз и показал ее всему миру.

Почему Минск?

Этот выбор неслучаен. Его сделала Лидия Кармальская – жена и муза, настоящая волшебница художественного свиста. Несмотря на перенесенный в детстве полиомиелит, она с удивительной

Мулявин (крайний справа) – лидер и контрабасист инструментального ансамбля ДК имени Сталина. Свердловск, середина 1950-х годов

Мулявин-гитарист. Конец 1950-х годов

грацией двигалась и на сцене, и в жизни. Их встреча произошла в Калининграде в 1959 году. Она уже была звездой филармонии, а он – молодым артистом ансамбля Краснознаменного Балтийского флота.

Хотя детали его службы окутаны тайной. До переезда в Минск жизнь Мулявина – это целый kaleidoscope версий. словно в поисках неземного счастья он переезжал из города в город. Успел поработать в Томске, Петрозаводске, Оренбурге, Новокузнецке.

Когда же впервые попал в Минск, пусть и просто на гастроли, сразу почувствовал: вот оно! Мулявин даже забыл чемодан на стоянке такси, но через полчаса нашел его на том же месте. «Мне очень понравился город, понравились люди, – делился артист позже в видео для друзей. – Он меня очень удивил. Язык, совсем другой юмор. Другая мелодия. Необыкновенная мелодия, абсолютно непохожая ни на русскую, ни на украинскую, хотя и говорят, что славянские мелодии похожи. Невинная, нетронутая песня. Незаезженная, и я начал ее изучать».

Окончательно Мулявины обосновались в Минске в феврале 1963 года. А 13 апреля на площади Якуба Коласа открылось новое, элегантное здание Белорусской государственной филармонии. Там, в эстрадном отделе, которым с 1958 года руководил джазовый пианист Лев Моллер, оценили не только

уникальный талант Лидии Кармальской, которая могла легко насвистывать произведения Баха, Гомга и Штрауса. но и способности ее пока еще малоизвестного мужа. Скромный гитарист-самоучка владел несколькими инструментами, выступовно играл Таррегу и Сеговию и даже имел опыт руководства «кузбасским неугольным оркестром» – так он шуточно называл свой самодельный джаз-бэнд из Новокузнецка. Проницательный Моллер сразу понял, что такой талантливый человек вряд ли будет довольствоваться ролью аккомпаниатора своей звездной жены, и начал его осторожно продвигать.

Матрос и его муза. Мулявин и Кармальская. Калининград, начало 1960-х годов

Вскоре в Белгосфилармонию пришел восемнадцатилетний Юрий Антонов, только что окончивший Молодечненское музыкальное училище. Он играл на тромбоне в любительском оркестре радиозавода. Там его и заметил Лев Яковлевич Моллер, предложив возглавить скромное инструментальное трио без названия: аккордеонист, гитарист и веселая контрабасистка. Гитарист вскоре уехал в Москву, и Моллер предложил на его место Владимира Мулявина.

«Встречаемся, – вспоминал Юрий Антонов полвека спустя в интервью радио „Маяк“. – Он какое-то странное на меня впечатление произвел. У него по тем временам болтались уже длинненькие волосы кучерявые, глаза – безумные. И он ходил с гитарой по второму этажу филармонии и все время что-то там репетировал. Говорю: давайте, поиграйте, в усилитель включитесь. Смотрю – прилично».

«Мы играли, а она соловья давала»

Где Мулявин, там и Кармальская: трио превратилось в квартет, в таком составе и отправились на гастроли в Тулу. «Мы играли, а она соловья давала», – иронизировал Антонов.

Они отработали сорок концертов и получили по четыреста рублей на человека. Но никакие деньги не могли удержать Мулявина в коллективе. «Уже тогда в нем маячил такой руководитель, такой, понимаете, лидер», – с искренним восхищением вспоминал народный артист России.

Судя по сохранившимся фотографиям, до армии Мулявин успел поработать в квартете. Среди тех, кому его участники аккомпанировали, были не только акробаты и фокусники, но и великолепный эстрадный баритон Эдуард Мицуль. Через него и других вокалистов Мулявин знакомился с песнями Семеняко, Оловникова и других именитых композиторов. Он потихоньку набирал репертуар, потому что мечтал о своем вокально-инструментальном ансамбле. ВИА – так это называлось в те годы. Самый модный и демократичный вид музицирования.

Но впереди была служба в армии.

Даже в армии Владимир не расставался с любимой гитарой. Уручье, 120-я гвардейская мотострелковая дивизия. 1965 год

От гитары до «Песняров»

– Мы с Володей служили одновременно, хоть и в разных местах, – делится воспоминаниями заслуженный артист БССР Владислав Мисевич. – Нас призвали в армию в 1964 году, а уже в начале 1965-го мы встретились, и эта встреча, по сути, стала отправной точкой для создания ансамбля «Песняры».

Их знакомство, ставшее поворотным моментом, произошло благодаря общему другу, пианисту Игорю Жуховцеву.

– Он давно обещал познакомить меня с Мулявиным, – вспоминает Владислав Людвигович. – Вос-

Заслуженный артист БССР Владислав Мисевич – участник золотого состава «Песняров»

хищался им, говорил: какой же он талантливый музыкант! Встреча состоялась в гардеробе Дома офицеров. То ли в антракте, то ли перед нашим выступлением Жуховцев попросил меня подождать, а сам окликнул спешащего куда-то молодого человека с чемоданчиком. Пока Игорь нас представлял, я понял, что это самодельный усилитель, и только тогда по-настоящему обратил внимание на внешность нового знакомого. Володя выглядел старше нас всех, лоб уже начал лысеть, но знаменитых усов еще не было.

Вскоре они вместе играли на танцах, а перед увольнением в запас Владимир сказал: «Я тебя забираю с собой».

– Так и случилось, – мой собеседник делает паузу, его взгляд устремляется куда-то вдаль. – Мулявин устроился в ансамбль к Нелли Богуславской и Измаилу Капланову и взял меня туда. Ансамбль назывался «Орбита-67», и Володя быстро стал его неформальным лидером. Он писал музыку, делал аранжировки. Раньше этим занимался Капланов, но понял, что они с Мулявиным совершенно разные. Вместе с ансамблем выступала и Кармальская.

Однако их дружеская идиллия продлилась недолго. Талантливые семьи – Мулявины и Каплановы – разошлись. Мисевич сразу же получил приглашение в оркестр радиокомитета.

– Для бывшего солдата это было просто невероятно, – признается он. – Серьезный коллектив, зарплата 250 рублей, привычная для меня работа на духовом инструменте... Мулявин тогда жил в коммуналке над кинотеатром «Центральный», и вот там, в арке, он меня и остановил: «Ты со мной или не со мной?» Вся моя жизнь решилась в тот момент.

Так они оба оказались в новом филармоническом коллективе «Лявониха». Вскоре к ним присоединились Валерий Яшкин и Леонид Тышко, барабанщик Александр Демешко, который служил с Мисевичем, Лидия Кармальская и старший брат Мулявина Валерий.

– Это было что-то вроде ревью: песни, танцы, дивертисмент. Директор филармонии Анатолий Иосифович Колондёнков буквально заставил нас туда пойти, – с улыбкой вспоминает Владислав Мисевич.

Владимир Мулявин второй справа. Белорусская государственная филармония. Первая половина 1960-х годов

В одном из радиоинтервью Демешко с горечью вспоминал: «За кусок хлеба и за койку в общежитии мы пошли туда работать. И за ставку». Его можно понять. Два с половиной года ребята провели в составе трех концертных бригад. Все это время их вела одна мечта: вырваться из тени вокалистов, танцоров и фокусников, обрести собственный музыкальный голос и избежать, казалось бы, предначертанной им участи.

– «Лявониха», тем не менее, была на особом счету, – вспоминает Владислав Мисевич. – Как тогда говорили, лицо республики, и Министерство культуры оказывало нам поддержку. Позже в «Лявониху» пришел Эдуард Мицуль, прекрасный певец и благородный человек, и именно с ним было интереснее всего. Он ставил дыхание, под его руководством мы начали петь.

Музыканты не слишком задумывались о конечной цели. Мулявин всегда был скрытен и упорно молчал о своих планах.

– Но я же видел, – продолжает Мисевич, – что этот человек к чему-то стремится. Не зря он ставил мне ультиматум, не зря собирал ребят. Он заставлял меня играть на флейте: «К черту твой кларнет, учишься на флейте и саксофоне!» И конечно, пение. До 1970 года под его руководством мы перепели весь репертуар Мицуля, битлов, «Орэры» и «Гаи».

Владимир Мулявин (крайний слева) в ансамбле «Орбита-67». Белорусская государственная филармония. 1967 год

ВИА «Лявоны»: Леонид Тышко, Валерий и Владимир Мулявины. 1969 год

Был такой ансамбль, их сложнейшие четырехголосные песни мы использовали как вокальный тренажер. Мы тренировали слух, выстраивали многоголосие, которое вскоре станет нашим брендом.

При этом они продолжали выступать по колхозам, как самостоятельно, так и с Мицулем.

– Мы были как бы его ансамбль, но при этом наработывали и свой репертуар, – подчеркивает Владислав Мисевич. – В результате к Всесоюзному конкурсу артистов эстрады у нас было шесть песен, народных и советских.

Но еще до конкурса с ними начали происходить удивительные события. В начале 1969 года в Минск приехала съемочная группа Центрального телевидения. Планировалось снять сюжет о «Лявонихе», но вместо этого телевизионщики заинтересовались ребятами Мулявина. На вопрос «Кто вы такие?» они ответили: «Лявоны». И художник с телестудии тут же нанес соответствующую надпись на барабан.

Дальше – больше. Белорусская государственная филармония и Министерство культуры добились для «Лявонихи» записи пластинки на Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия».

– Одна сторона диска – сборная солянка, вторая – Мицуль с его прекрасными романсами в обработке Володи Мулявина, – рассказывает Мисевич. – Эдик прибыл на студию раньше нас, но дожидаться записи не стал, а отправился в знаменитые Сан-

дуновские бани. В результате Мулявин со своими парнями записал «Ты мне вясною прыснілася».

История поистине невероятная, ведь у будущих «Песняров» не было официального права на самостоятельное, без солиста Эдуарда Мицуля, пение, и потому подписали их на пластинке как «Лявониху». Любопытно еще и то, что Мицуль вместо нагоняя от начальства удостоился звания заслуженного артиста БССР.

«Мы тренировали слух, выстраивали многоголосие, которое вскоре станет нашим брендом»

Летом 1970-го ансамбль уже под названием «Лявоны» гастролировал по полесским селам. В Пинске их настигла телеграмма из филармонии с требованием сменить название.

– Мулявин отправил меня и Тышко в районную библиотеку поискать что-то подходящее. Сам он в то время белорусского языка не знал, – утверждает Владислав Людвигович. – Лёня Тышко заказал произведения классиков и у Коласа нашел стихотворение «Песняру»:

Заспявай ты мне песню такую,
Каб душу мне паліла яна,
Каб у ёй ты нядолю людскую
І ўсё вычарпаў гора да дна.

В этих строках заложен сам дух зарождающегося коллектива. Это как генетический код, определяющий его суть: исповедальная глубина мелодий, почти шекспировская драма – от тихого шепота до надрывного крика, – переплетающаяся с иронией, юмором и горьковатой радостью жизни.

– «Лявоны» и «Песняры» – это очень разные вещи, – пояснял Владимир Георгиевич много лет спустя. – «Лявоны» – название, обязывающее к более шуточным, близким к фольклору вещам, а «Песняры» – более мудрое название, которое определило нашу репертуарную политику.

Эта политика, стоит добавить, совершенно не вписывалась в прямолинейный оптимизм тогдашней эстрады и вызывала массу вопросов у критиков.

Под новым названием они впервые выступили в октябре 1970 года на IV Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в Москве.

– На афише нам напечатали «Песняры», но все равно на слух это было непривычно. Нас объявляют, а мы не выходим на сцену. Еще не привыкли, – вспоминает Владислав Мисевич.

На конкурсе они победили, хоть жюри и присудило им почетное второе место. Первое не дали никому. «Наши корифеи-фольклористы считали, что мы искажаем народную песню. Не запрещали, нет, но настоятельно советовали „лучше не браться“. Тогда мы нелегально поехали в Москву – аккомпанирующей группой на конкурс, посвященный 100-летию Ленина. Выступили там и сами стали победителями», – говорил Мулявин в одном из последних своих интервью. Председателем жюри, по его словам, был Утесов, но главную оценку им выставил седой мужчина, который заглянул к ним в гримерку после первого тура и, усмехаясь, сказал: «Если вам не

На репетиции Владислав Мисевич, Владимир Мулявин, Леонид Борткевич. Конец 1970-х годов

дадут первую премию, то считайте их дураками. Это говорю вам я – Цфасман».

Пионер советского джаза Александр Цфасман словно благословил создание легендарных «Песняров». Ансамбль рос постепенно. Владимир Мулявин сам приглашал каждого музыканта, подбирая их под конкретные задачи. Создавалось

ВИА «Песняры» в 1975 году: Л. Борткевич, А. Гилевич, А. Кашепаров, Ч. Поплавский, В. Мисевич, В. Мулявин, А. Демешко, Л. Тышко, В. Николаев

Мулявин выверяет звучание скрипок (Ч. Поплавский, В. Ткаченко) и альты (В. Дайнеко). 1977 год

Владимир Мулявин и Игорь Лученок. 1977 год

впечатление, что он видел в них не просто людей, а части единого, искусно настроенного музыкального механизма. Леонид Тышко вспоминал с долей самоиронии, что они тогда еще не были профессионалами. Он играл на домре, Мулявин – на балалайке. А солисты, по его словам, были наполовину певцами, наполовину просто хорошими парнями. Кашепаров и Борткевич пришли уже в сложившийся коллектив.

Однако именно их приход вдохнул в «Песняров» новую жизнь и подстегнул творческий процесс.

Магия звука, сила духа

– Он работал как одержимый. Все держалось на нем: от выбора стихов до вокала и аранжировок, – делится заслуженный артист БССР Владислав Мисевич. – С самого начала он взял на себя ответственность за все. Даже если музыка была не его, он вникал в процесс вместе с автором. А ведь мы постоянно были в разъездах, давали по три-четыре, а то и пять концертов в день, и между ними еще репетировали... Два концерта в день – это уже считалось отдыхом! Не представляю, как в таком ритме он находил время для творчества.

Эта феноменальная работоспособность Мулявина зародилась еще в Свердловске благодаря его учителю Александру Ивановичу Навроцкому, кото-

рый требовал заниматься по пять-шесть, а иногда и восемь часов в день. «Я никогда его не забуду, – говорил Владимир Георгиевич в одном из своих интервью. – Он был уже в возрасте. Главное, что он мне дал, – это любовь к музыке. Он жил один, и вся его жизнь была музыкой. У него дома была замечательная библиотека, все возможные инструменты... Он жил этим и заразил нас».

Мулявин словно настоящий фанатик буквально погружался в музыку, стремясь разгадать ее тайны. От классиков, таких как Стравинский, Скрябин, Рахманинов, Моцарт, до джазовых гениев вроде Паркера и Гершвина. Говорят, он видел в «Каси́ Ясь канюшину» отголоски раннего Моцарта, а в «Мой родны кут» – узнаваемые черты Рахманинова, поступающие сквозь мелодию Лученка.

Главный песняр неустанно оттачивал свое мастерство на гитаре. Владимир Ткаченко вспоминал: «Он никогда не играл чужие мелодии, как мы, молодые, любили подбирать – из Deep Purple и тому подобное. Даже Битлз, хотя знал их прекрасно, он не копировал. У него всегда звучало что-то свое, эти его быстрые, виртуозные пассажи, которые мы называли „мульками“ – что-то такое стремительное, неуловимое».

Но работа над собой для Мулявина никогда не была самоцелью. «Я все-таки создавал этот коллектив с какой-то определенной целью и с какой-то

идеями, – признавался он спустя годы. – Во-первых, не повторять ни одну группу».

Это был смелый поступок в те времена, когда большинство ВИА звучали практически одинаково.

Известный российский музыкальный критик Анатолий Вейценфельд отмечал: «Мулявин был и композитором, но особенным – он писал только для себя и своего коллектива. Представить себе репертуар «Песняров» в исполнении кого-то другого просто невыносимо».

Самобытность творчества Владимира Мулявина родилась из глубокого убеждения и определенного комплекса идей, которые он вкладывал в свою музыку. «Я приходил на концерты наших прославленных коллективов, и в зале сидело двадцать-тридцать человек. И моя задача была, чтобы белорусскую песню знали все и любили. И я хочу, чтобы были продолжатели. Пускай это будут не „Песняры“, но продолжатели этого направления», – признавался Мулявин в одном из интервью.

Выступают «Песняры»: В. Мулявин, А. Кашепаров, Л. Борткевич, В. Мисевич. 1980 год

Эта цель побудила его обратиться к национальному фольклору. Во время гастролей в Крыму ему подарили сборник «Белорусские народные песни» известного дореволюционного этнографа Павла Васильевича Шейна.

– Помню, как сейчас, ветхого старичка, который на гастролях преподнес Мулявину эту редчайшую книгу, – вспоминает Владислав Мисевич. – После

ВИА «Песняры» в деревне Усполье Мстиславского района. 1982 год

1874 года ее ни разу не переиздавали. По приезде домой Володя жадно ее листал, сам смотрел и давал другим. Тексты песен разительно отличались от тех, что были в сборниках Академии наук: более грубые, пусть и без мата, но достаточно откровенные, или с отсылками к Богу. Министерство культуры никогда не позволило бы петь их со сцены, но мы находили компромисс. Дриневский – мой сосед по даче – не раз цеплялся к нам по поводу этих текстов: «Што вы спяваеце? Вы няправільна спяваеце!». Но Володя был уверен в своей правоте.

«Все держалось на нем: от выбора стихов до вокала и аранжировок»

Однако, когда дело касалось аранжировок, Мулявин был открыт к критике. Внимательно слушал подсказки Григория Ширмы. Мулявин быстро учился, и, как считает Мисевич, «А ў полі бяроза...» стало стопроцентным попаданием в дух народной баллады.

– Казалось бы, где Муля, а где народный хор? Но всякий раз, когда мы работали в одном концерте с Государственным народным хором Геннадия Цитовича, он толкал нас в спину: «Балбесы, идите послушайте, как надо петь! Какой у них ансамбль, интонация...» – отмечает Мисевич.

Но это касалось лишь женской группы хора. Мужская, считал Мулявин, поет вразнобой.

Невероятно плодотворным оказалось сотрудничество с Государственным народным оркестром БССР.

– У нас была комнатка, примыкавшая к их репетиционному залу в филармонии. Дирижер Михаил Козинец, тогда еще студент, разрешал нам заниматься там допоздна. Однажды Жинович предложил создать совместную программу. Мы подготовили три песни и отправились в Москву, где выступили в кинотеатре «Октябрь». Публика была в восторге, а Жинович вернулся в Минск как настоящий триумфатор. В знак признательности он познакомил нас со скрипичных дел мастером по фамилии Кримко. Он сделал для нас колесную

лиру, которую мы в шутку прозвали «мясорубкой».

Чтобы по-настоящему понять душу белорусской песни, Владимир Георгиевич решил отправиться в фольклорную экспедицию. Эта идея принадлежала Игорю Михайловичу Лученку. Посадили за руль лученковского автомобиля Анатолия Кашепарова и рванули в сторону Житковичей и Турова. Мулявин позже вспоминал: «Я впервые столкнулся с белорусской глубинкой. Заходим в хату, нам говорят: «Ждите, пока певунья не вернется с работы». Я думал, женщина лет 50–60, а она молодая, и у нее семь или восемь детей. В горнице красота несказанная: иконы да вышивки. И садятся эти труженицы и начинают в два-три голоса петь...».

Выступление Владимира Мулявина на празднике тракторостроителей на минском стадионе «Трактор». 1999 год

Магнитофонные записи, сделанные Мулявиным и Лученком, привезли в Минск. Что-то использовали в новых программах, большая же часть осталась в архиве.

Владимир Георгиевич относился к народной музыке с особым трепетом, находя в ней поразительное сходство с роком. Он стремился создавать смелые, порой даже резкие аранжировки, подчеркивая: «Мы первый коллектив, который попробовал себя в этом жанре». Однако к самому року он подходил с долей скепсиса: «Ритмическая основа – еще не содержание. Я сам джазовый музыкант, и для меня гармония рок-н-рольных вещей представляется очень примитивной».

«Он толкал нас в спину: „Балбесы, идите послушайте, как надо петь!“»

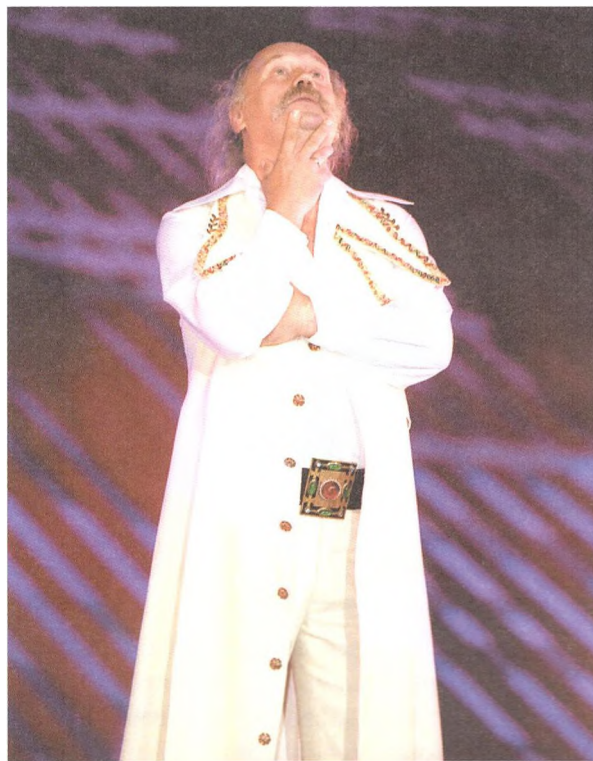
На вопрос о том, как ему удавалось создавать аранжировки без формального композиторского образования, Владислав Мисевич с улыбкой отвечает:

– Аранжировку в клавире можно изобразить. В чем тут проблема? Это не симфонический оркестр! Сколько нас? Инструменталисты и три-четыре голоса. Все, что нужно, он изображал на фортепиано: и вокал сыграет, и гармонию в левой руке покажет, и бас зацепит, где надо. Он читал с листа клавиры любой сложности – я сам удивлялся. Из всех нас абсолютный слух в «Песнях» был только у него, у Игоря Паливоды и у Володи Ткаченко. Эти высококвалифицированные музыканты умели писать партитуры. Потому-то он их и привлек.

Тем не менее музыкантов он не посвящал в тонкости своего творческого процесса.

– Неготовые вещи показывал, лишь когда застревал на перепутье, – продолжает Мисевич. – Подойдет к музыканту: «Вот твоя партия. Ну-ка сыграй!». Потом к другому: «Ну-ка спой!» Мы видели его метания, но что происходило у него внутри, можно было только гадать.

Когда дело доходило до стихов, Мулявин предпочитал идти своим путем, не ища советов у поэтов. Он знакомился с автором текста уже после того,

Владимир Мулявин на «Славянском базаре в Витебске». 1999 год

как песня была готова. Зато с композиторами работал в тесном контакте – будь то Молчан, Лученок или кто-то другой. Он вносил правки, отстаивал свое видение, вкладывая в каждую ноту и слово свой труд и душу.

– Представьте себе, приходишь к Лученку домой, на Янки Купалы, а там они вместе за роялем, – делится Владислав Мисевич. – Рок-оперу «Курган» так и сделали! А мы и знать не знали. Уехали в отпуск, а он, пока нас не было, довел ее до ума и принес уже готовую. Иногда работа продолжалась даже тогда, когда начинали репетировать. Вчерашний вариант мог сегодня кардинально измениться. Но мы безоговорочно верили: Мулявин точно знает, к чему мы стремимся. Даже когда он безжалостно выбрасывал написанное в мусорное ведро. Иногда это случалось после первого же исполнения, а порой и раньше. Стоило ему заметить, что музыканты недоуменно чешут затылки, и песня отправлялась в корзину.

В музее Владимира Мулявина в Минске

Можно часами рассказывать о том, как Мулявин создавал программы для «Песняров». Как он смело говорил о трагической правде войны и геноцида, когда об этом предпочитали молчать. Как поразил своих завистников, создав потрясающую концертную программу на стихи Маяковского

У памятника на бульваре Владимира Мулявина в столице

«Во весь голос». Он прожил свою судьбу с достоинством, оставив нам в наследство не просто песни, а целую эпоху, наполненную страстью, преданностью и неугасающей любовью к музыке.

«Стоило ему заметить, что музыканты недоуменно чешут затылки, и песня отправлялась в корзину»

Владимир Мулявин, словно провидец, первым ощутил надвигающуюся бурю в мире ВИА. Но даже когда стены его музыкального мира начали трещать, а верные товарищи один за другим покидали его, он остался. Остался верен своему делу, своей стране, своей музыке.

Он не просто играл, он жил ею. Для него музыка никогда не была лишь ремеслом, способом заработать на жизнь. «Это должно оставаться любимым делом на всю жизнь. Преданность музыке, даже фанатизм...» – эти слова стали его кредо, его завещанием. И с такими мыслями, с такой непоколебимой верой он останется с нами.

Юлия АНДРЕЕВА
Фото Александра ГОРБАША,
из музея В. Мулявина,
архива БЕЛТА и открытых источников